

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт
імя Максіма Танка»

АКТУАЛЬНЫЯ ПЫТАННІ СУЧАСНАЙ НАВУКІ

Зборнік навуковых прац

Мінск
БДПУ
2017

УДК 001–021.121
ББК 72
А437

Друкуецца па рашэнні рэдакцыйна-выдавецкага савета БДПУ

Рэдкалегія:

доктар педагогічных навук, прафесар *Г. В. Торхава* (адк. рэд.);
доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар *В. Р. Собаль*;
доктар філалагічных навук, прафесар *В. Д. Старычонок*;
доктар псіхалагічных навук, прафесар *А. П. Лабанаў*

Актуальныя пытанні сучаснай навукі : зб. навук. прац / рэдкал.
А437 Г. В. Торхава (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДПУ, 2017. – 212 с.
ISBN 978-985-541-400-2.

У зборніку змешчаны навуковыя артыкулы, прысвечаныя даследаванням у галіне грамадскіх навук, педагогікі, псіхалогіі, філалогіі, прыродазнаўства.

Адрасуецца навукоўцам, выкладчыкам ВНУ, усім, хто цікавіцца надзённымі пытаннямі сучаснай навукі.

УДК 001–021.121
ББК 72

ISBN 978-985-541-400-2

© Афармленне. БДПУ, 2017

УДК 101.1:316(470+571)(043.3)

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Сонгаль

Статья посвящена актуальному исследованию советской философии как феномена в историко-философском процессе, ее становлению и развитию, выявлению основных проблем и специфических особенностей.

SOVIET PHILOSOPHY PHENOMENON AS A PROBLEM OF HISTORICAL-PHILOSOPHICAL RESEARCH

M. Sonhal

The article is devoted to the actual research of Soviet philosophy phenomenon in the historical-philosophical process, its formation and development, the identification of the main problems and specific features.

Советская философия явилась противоречивым и сложным этапом во всемирном историко-философском процессе, и в настоящее время подвергается различным оценкам. Изучение истории советской философии, выявление уникальной специфики, которая позволяет определить ее именно как «феномен», является в настоящее время очень актуальным.

В. Н. Порус отмечает, что исследование феномена советской философии необходимо для выявления многообразия форм, в каких возможно осуществление философского движения мысли, что в свою очередь важно для выяснения перспектив развития философии в современной России. «Важно для того, чтобы открыть, наконец, новый путь ее развития, так и для того, чтобы не помешать естественному ходу событий реформами, которые способны подорвать отечественную философию едва ли не более, чем это было в «советский» период, хотя, конечно, уже совсем другими «методами»» [1, с. 165]. Можно говорить о том, что данное утверждение справедливо и по отношению к развитию философии в Беларуси.

В современных исследованиях довольно распространенной точкой зрения является утверждение о том, что философия в СССР – это, своего рода, провал и разрыв в развитии русской философской мысли. Однако данный подход является односторонним и не вполне справедливым. Следует отметить, что русская философия до 1917 г.

не сводилась только к работам представителей русского религиозного возрождения (С. Булгакову, С. Франку, Н. Бердяеву и др.), наиболее пострадавших в ходе кампании, получившей название «философский пароход». До революции в России существовала достаточно влиятельная марксистская философская школа и позитивистское направление. Более того, даже возникновение русской религиозной философии во многом (как отмечали в свое время ее представители и исследователи) было инспирировано распространением в России марксизма [2, с. 165–166].

Революция ослабила влияние представителей русской религиозной философии на духовную жизнь постреволюционной России. Однако в 1918–1921 гг., несмотря на гражданскую войну, существовала достаточно широкая свобода философского творчества и теоретических дискуссий. Объяснение заключается в том, что судьба революции и советской власти в тот исторический период решалась не в ходе философских дискуссий, а в ходе сражений гражданской войны. Когда перед Россией и революционным правительством встал вопрос о дальнейших путях развития общества, центр борьбы за социализм и советскую власть переместился в сферу теоретических дискуссий и идейных споров. Именно тогда большевики нанесли решительный удар по своим идеологическим противникам, результатом которого и стал знаменитый «философский пароход». Данная депортация, безусловно, нанесла ущерб развитию философской мысли в СССР. Ведь любое силовое подавление приводило к застою и деформациям в развитии как альтернативных марксизму философских концепций, так и материалистического направления в философии. Философская мысль не может развиваться вне идейных дискуссий по основным проблемам.

Тем не менее 1920-е гг. не были потеряны для развития философии в СССР. В. А. Лекторский отмечает следующий парадокс. На западную философскую и гуманитарную мысль XX в. оказали наибольшее влияние не представители русского религиозного возрождения, которые после высылки из СССР жили на западе, а те философы, которые остались в Советском Союзе: Л. С. Выготский, М. М. Бахтин, В. И. Вернадский, А. А. Богданов и др. Они пытались использовать идеи марксистской философии для решения проблем в тех областях знания (психология, естествознание, теория систем), в которых они работали [3, с. 5–9]. Поэтому продуктивные идеи марксистской философии о социальной природе человека, о деятельностной основе по-

знания, диалектическом единстве природы и человека были освоены представителями гуманитарных дисциплин и некоторыми естествоиспытателями и послужили методологической базой для выдвижения новых оригинальных идей в области психологии, лингвистики, литературоведения. Данные идеи с интересом были восприняты на Западе.

Следующая эпоха развития философии в СССР 1930–1953 гг., начавшаяся после высылки Л. Троцкого и разгрома школы Деборина, может быть названа периодом сталинизации философской мысли. Именно тогда были сформированы те характерные особенности советской философии, от которых она не смогла избавиться вплоть до конца исторического существования Советского Союза. К данным чертам можно отнести, прежде всего, превращение философии в идеологическую концепцию, «научно» обосновывающую все социально-политические решения правящей верхушки ВКП(б). У философии была отнята ее функция критико-прогностического анализа процесса развития общества. Еще одной особенностью явилась тенденция к упрощению и догматизации основных положений марксизма.

Английский историк Р. Блэкберн, рассуждая об ответственности марксистской социальной теории за крах так называемого реального социализма в странах Восточной Европы и СССР, отмечал, что в марксизме существовали две тенденции: так называемые упрощающие положения и развивающие положения. К разряду упрощающих положений Р. Блэкберн относит утверждение о том, что в результате пролетарской революции капитализм будет уничтожен, а проблемы производства, политической организации, законности и прав человека при социализме могут быть легко решены. К развивающим положениям он относит утверждение о том, что при социализме в результате устранения одних проблем появляются и другие, не менее сложные проблемы. По мнению Блэкберна, именно упрощающие положения социальной теории марксизма в какой-то степени стали причиной неудач в социальной практике в странах реального социализма [4, с. 10–12].

Следует отметить, что в советской философии 1930–1940-х гг. упрощающие положения марксистской теории были превращены в догматы. Значимую роль в данном процессе сыграла работа И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», опубликованная впервые в рамках Краткого курса истории ВКП(б) в 1938 г. Изложенные в этой книге идеи Сталина, такие как онтологизация диалектики и превращение диалектического материализма в натурфилосо-

софскую концепцию природы, упрощенные представления об источниках и движущих силах развития общества, в измененных формулах остались основополагающими концептами философии.

Происходящие процессы сопровождались бюрократизацией институтов советской философии. Хотя последней инстанцией в принятии тех или иных решений в области философии был вождь, а позже ЦК КПСС и Политбюро, тем не менее от прямого начальства учреждений философии зависело многое в квалификации определенных философских идей как правильных или ошибочных с идеологической точки зрения. Наконец, характерной чертой сталинского периода советской философии была практически полная изоляция советских мыслителей от достижений западной философии, что также не способствовало полноценному развитию гуманитарного знания.

Но, несмотря на тотальный идеологический и административный контроль со стороны высших партийных структур, свободная философская мысль все же существовала. В эти годы жили и работали выдающиеся мыслители, к числу которых можно отнести и последнего представителя философии серебряного века А. Ф. Лосева, а также В. Асмуса и Б. Кедрова и др. Однако данные фигуры в советской философии были изолированы и не могли оказывать какое-либо существенное влияние на ее развитие. Кроме того, история 1930–1940-х гг. показала, что участие в философских дискуссиях, выражение «неправильных» идей, с точки зрения партийных верхов, угрожало тем, кто их высказывал, смертельной опасностью. Именно поэтому процесс десталинизации философии второй пол. XX в. был начат новым поколением советских философов, родившихся после 1920–нач. 30-х гг.

XX съезд КПСС, последовавшая за ним «оттепель» сыграли положительную роль в дальнейшем развитии советской философии. Появились реальные возможности для реализации философии как критической рефлексии над процессом развития общества. Основой такой реализации стал призыв о возвращении к идеям аутентичного марксизма. У истоков этого движения стояли два выдающихся философа своего времени Э. В. Ильенков и А. А. Зиновьев. Именно они в начале 50-х гг. стали организаторами философских сообществ, в которые входили студенты и аспиранты философского факультета МГУ. Участниками этих кружков были впоследствии известные мыслители (Г. П. Щедровицкий, М. К. Мамардашвили, Б. А. Грушин, Г. С. Батищев

и др.), определявшие облик советской философии в 60–80-е гг. XX в. [5, с. 547–548].

На философском факультете МГУ весной 1954 г. Э. В. Ильенков и В. И. Коровиков инициировали дискуссию по наиболее существенной проблеме – определению предмета философии. По словам активного участника данной дискуссии Г. П. Щедровицкого, основной тезис Э. В. Ильенкова заключался в том, что предметом философии является не мир, а познание [6, с. 24]. Тем самым Э. В. Ильенков решительно выступал против натурфилософского определения предмета философии, данного в работе И. В. Сталина. В результате дискуссии были сформулированы основные задачи для нового поколения советских философов. Они состояли в преодолении сталинской версии марксизма и возвращении к аутентичному прочтению работ классиков марксизма, на основе чего предлагалось создать новую методологию социального и естественнонаучного познания. Опираясь на новую методологию, можно было бы построить теорию социализма, объясняющую противоречия социальной реальности СССР.

Э. В. Ильенков и его последователи исходили из идеи единства диалектики как методологии социального познания и марксистской теории общества (эта идея вытекала из концепции единства бытия и мышления). А. А. Зиновьев, Г. П. Щедровицкий и члены логического кружка, признавая диалектику как методологию социального познания, сомневались в эвристической ценности марксистской теории общества для объяснения противоречий, которые выявились в советское время.

Обращение А. А. Зиновьева к гносеологическим концепциям неопозитивизма было вызвано не только теоретическими проблемами познавательного процесса, но и проблемами социально-практического плана. К концу 50-х гг., четко представляя противоречия социально-политического строя СССР, А. А. Зиновьев окончательно разуверился не только в эвристических возможностях официального марксизма-ленинизма, но и аутентичного марксизма. Именно в это время он начинает рассматривать идеалы коммунизма как идеологию, скрывающую реальную ситуацию в советском обществе. Поэтому лозунги логического позитивизма и ранней аналитической философии о борьбе за освобождение научной мысли в целом и социальной теории в частности от утопических иллюзий и идеологической ангажированности в научной терминологии были восприняты им как единственный путь к теоретической экспликации противоречий реального социализ-

ма. Следует отметить, что обращение многих советских философов к идеям неопозитивизма в 60–70 гг. было вызвано аналогичными причинами.

Но если в США и ряде других западных стран логический позитивизм и аналитическая философия были способом отказа философов от критики существующего социального порядка, то в СССР и некоторых странах Восточной и Центральной Европы позитивизм стал способом протестного отношения и к идеологическому официозу, и к состоянию общества.

70–80-е гг. XX в. стали противоречивым и драматическим периодом в развитии философии. Советские философы, опасавшиеся возвращения сталинизма, крайне болезненно переживали события «Пражской весны» 1968 г. [7, с. 401]. А. А. Зиновьев после публикации «Зияющих высот», был выслан из СССР и лишен советского гражданства, в 1979 г. Э. В. Ильенков добровольно ушел из жизни, а М. К. Мамардашвили перешел к проблемам экзистенциального самопознания личности. В конечном счете высшее руководство СССР, столкнувшись в середине 80-х гг. с кризисными явлениями в советской социально-политической системе обнаружило, что (по словам Ю. Андропова) «не знает общества, в котором живет». В эпоху «перестройки» советская философия ничего, кроме расплывчатых лозунгов об общечеловеческих ценностях и возвращения в лоно западной цивилизации, из которого народы СССР якобы выпали в 1917 г., не смогла предложить ни политическому руководству, ни советскому народу.

Современная история и социальная реальность постсоветского пространства, в том числе и Беларуси, во многом определяется историей советской эпохи. Именно поэтому в настоящее время одна из важнейших задач философской мысли Беларуси – осмысление опыта социальных преобразований в период существования СССР. Необходимо выявление альтернативных путей развития белорусского общества в условиях глобальной нестабильности.

Литература

1. Порус, В. Н. Феномен «советской философии» / В. Н. Порус // Высшее образование в России. – 2006. – № 11. – С. 154–166.
2. Павлов, А. Т. Было ли в России в начале XX века религиозно-философское возрождение? // АТ. Павлов // Вопросы философии. – 2004. – № 9. – С. 163–169.

3. Лекторский, В. А. Предисловие / В. А. Лекторский // *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век : в 2-х кн. / под ред. В. А. Лекторского. Кн. 1. 20–50-е годы, 1998. – С. 3–9.*
4. Blackburn, R. 'Fin de Siècle: Socialism after the Crash' / Robin Blackburn // «New Left Review» 1991, 1/185 p. 5–66.
5. *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век : в 2-х кн. / под ред. В. А. Лекторского. Кн. 2 // 60-80-е гг. – М. : «Российская политическая энциклопедия», 1998. – 768 с.*
6. Щедровицкий, Г. П. Я всегда был идеалистом... / Г. П. Щедровицкий. – М. : Изд-во «Путь», 2001. – 368 с.
7. Зиновьев, А. А. Исповедь отщепенца / Александр Зиновьев. – М. : Вагриус, 2005. – 554 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ